

ВОСПОМИНАНИЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ Н. В. МАНСВЕТОВОЙ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

Мансветова (в замужестве Рогова) Нина Васильевна — учительница начальных классов мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда, депутат местного совета первых двух созывов, орденосеиц (орден Знак Почета), общий стаж работы — 52 года.

Из года в год, каждый день она встречала детей с большим интересом и вниманием. «Такие маленькие, а в каждом уже человек живет — и какой человек!». Она не боялась трудных классов. Но однажды пришла домой в полном отчаянье: «Мне дали класс — от него все отказались, двенадцать второгодников, из них пять — на учете в милиции!». «Нинушка, — сказала ей тогда мама, — не плачь! В хорошем классе маленькую ошибку сделаешь — все заметят и не простят, в плохом классе ошибешься — никто не заметит, а если чуть подправишь, то все тебе только спасибо скажут!». Эти слова Нина Васильевна запомнила на всю жизнь — они стали ей опорой.

Нина Васильевна родилась 6 января 1910 г. в крестьянской семье в Тверской губернии. Детство ее проходило в селе Мологино Ржевского уезда. В семье было пятеро детей. Она была старшей. Отец прекрасно шил, а зимой уходил в город на сезонные работы, что приносило в семью дополнительный приработок. Ее мать, Мария Кузьминична, окончила три класса сельской школы, проявив яркие способности в учебе. Ее хотели учить дальше, повезли в Тверскую гимназию, но она не была принята туда по причине своего «крестьянского происхождения». Надолго затаила она эту обиду, и уже потом приложила все усилия к тому, чтобы своим детям дать хорошее образование.

В селе была начальная школа, куда Мансветовы поочередно отдавали всех своих детей. Старшую дочь отвели туда, как только ей исполнилось шесть лет. Вспоминая детство, Нина Васильевна рассказывала: «Отдали в школу меня рано. „Что она будет дома сидеть, — объясняла мама учителю, — а здесь она хоть умному чему научится”. Учитель был знакомый, взял меня. Мешок картошки ему за это дали... Вокруг меня дети, все старше меня — кому девять, кому одиннадцать лет. Сiju я — и ничего не понимаю. Учитель взмолился: „Возьмите девочку, рано ей еще в классы ходить!”. Только зимой начала я читать. Сначала и не поняла, что читаю. А потом — как закричу „Бабушка!” и кубарем — с пачки, валенки — на голые ноги, и на крыльцо, плачу, бабушку зову. Она перепугалась: „Случилось что?! Слезы-то о чем?” А я вдруг как закричу: „Бабушка! Я читаю!” Бабушка повернулась к церкви, перекрестилась: „Слава Богу! Наша Нинушка зачитала!” ... Учебный год я закончила уже как лучшая ученица».

Для продолжения учебы родители отправили ее во Ржев, и там после школы она поступила в педагогический техникум. В то время Ржевский техникум готовил учителей, способных не только преподавать в сельской местности, — выпускники должны были владеть и специальными навыками ведения сельского хозяйства. Скороговорки и песенки про севооборот остались у нее в памяти на всю жизнь от такой широкой профилизации обучения. На лето преподаватели давали учащимся задания по изучению социально-психологических типов людей, проживавших в тех местах, где они проводили свои каникулы. Она вспоминала некоторые из тех своих зарисовок и наблюдений:

«Митинг в деревне по вопросу заготовки сена. Выступающий держит речь: „Там, за границей, наши братья колхозники тоже проводят сенозаготовки!“». Кроме курьезных были и остро политические картинки: «Ну-ка, девка! Скажи, чему ты будешь учить детей в своей школе? — Да, вот например, математике. — А что это такое? — Это, прежде всего, четыре основных действия: сложение, вычитание, умножение, деление. — Зачем так много, когда осталось всего только два действия? Отнять и разделить!...». Такие и подобные этим наблюдения были типичны для сознания людей того времени — эпохи коллективизации. «Просто смятение умов — все перемешалось в головах», — посмеивалась Нина Васильевна.

Комсомольцев техникума привлекали к раскулачиванию. Она говорила об этом всегда очень сдержанно и с каким-то состраданием. «А кого раскулачивать? У своего же народа отнимали. Вот, например, мою маму раскулачивали. А какая же она кулачка? Было нас пять детей — и все мы ей помогали...».

Особую роль в ее личностном становлении сыграл преподаватель литературы — Юрий Яковлевич Ходаков.¹ Он имел большую библиотеку, вел литературный кружок, учил своих подопечных читать и понимать прочитанное, привил им правильный вкус к гуманитарным знаниям. Организовал театр. Свою карьеру преподавания он должен был прервать на какое-то время из-за начавшихся гонений на любителей поэзии Сергея Есенина и вынужден был даже покинуть Ржев. Тогда в первый раз погибла его библиотека. Потом он несколько раз переживал потерю всех книг и каждый раз начинал собирать библиотеку заново, иногда почти с нуля.

После окончания техникума Н. В. Мансветова проработала несколько лет в молодинской школе Ржевского района. Закончила Высшие партийные курсы, а затем поступила в Ленинградский государственный университет на географический факультет, который по семейным причинам (смерть отца и обострившиеся в связи с этим материальные обстоятельства) ей не удалось закончить. Еще занимаясь в университете, она определилась на работу в школу № 18, устроилась жить в общежитии.

В Ленинграде Н. В. Мансветова познакомилась и близко сошлась с новыми коллегами, с которыми потом была связана узами товарищества и духовного родства всю свою жизнь. Это — Галина Владимировна Ильинская,² Александра Александровна Левинсон,³ Мария Григорьевна Гуськова,⁴ сестры Людмила Ильинична и бестужевка Екатерина Ильинична Ермоленко.⁵ Все они, тогда молодые и устремленные в будущее, были увлечены своей работой. А по вечерам бегали в театр — «на Аллу Тарасову!». «Ее голос я воспринимала, чувствовала каждой клеточкой своего существа. Она выражала мои переживания. Я испытывала такое состояние, будто поднимаюсь, вырастаю. Такая сила и власть были в этом чудном голосе», — говорила Нина Васильевна, вспоминая об этих годах. Также горячо их захватывала опера, концерты в филармонии — С. Я. Лемешев, И. С. Козловский, М. П. Максакова.

Для того чтобы учиться и как-то сносно жить, многие из них объединились в небольшие группы, в коммуны. По ночам мыли полы в столовой, дежурили охранниками в учреждениях. Быт был тяжелый. На несколько девушек имелась всего одна «выходная» блузка. «Надо же было случиться, что на мне эта блузка и разорвалась. Уже бежать надо, надела ее, а рукав и разъехался в локте, да так, что ничего и сделать нельзя. Засучила рукава. Потом говорили, что выглядела я очень эффектно. Катастрофы никто не заметил».

Накануне войны Н. В. Мансветова уже работала в средней школе № 82 Петроградского района Ленинграда. Эта школа была базовой для специалистов Педагогического института им. Покровского. Открывалась перспектива интересного сотрудничества. Кроме того, она была избрана в депутаты местного совета первого созыва. Жизнь выстраивалась в полных формах востребованности и надежд на будущее. Появился интерес и в личной жизни: она познакомилась с Роговым Борисом Михайловичем, талантливым инженером, с которым потом навсегда связала свою жизнь. Они были красивой парой. Их брак помог им преодолеть блокадное лихолетье.

Утро 22 июня 1941 г. все перевернуло.

О своем военном пути Нина Васильевна рассказала в «Воспоминаниях о работе в годы войны». Н. В. Мансветовой они были написаны в 1977–1979 гг., после посещения ее писателем А. М. Адамовичем, который в 1970-е гг. собирал вместе с Д. А. Граниным материал для будущей «Блокадной книги». Тот вечер встречи с писателем растревожил ее. Память о дорогих людях, с которыми разделила боль, тревоги и общую судьбу учительствования в блокадном Ленинграде, требовала самой сказать о них, «как умею».

В своих «Воспоминаниях» Н. В. Мансветова с благодарностью вспоминает коллег и наставников, учителей с большим опытом работы, многие из которых были методистами, известными в районе и городе не только в годы войны, но и после ее окончания. Ими были выработаны особые приемы и методики преподавания, которые активизировали процесс обучения. К их числу надо отнести такую методику, которая была основана на постоянном повторении пройденного, что дисциплинировало и цементировало процесс обучения. В экстремальных условиях войны эти методы были востребованы сразу и полностью.

Размышления Нины Васильевны о значении гуманитарных дисциплин, активно помогающих формировать нравственное здоровье растущего поколения, были выстраданы опытом именно тех военных лет. Она на своем опыте прочувствовала, как складывались духовные опоры обездоленных, блокадных детей, на чем выработывались здоровые их основы. Ведь у ленинградских детей все было отнято, порушено войной. Выстраивать духовную вертикаль детского самосознания помогало изучение родного языка, отечественной истории и русской литературы. В этих предметах можно было найти и душевную ясность, и простоту, и достоинство. В годы войны они выполняли роль врачей душ и ориентировали учеников на созидание и строительство жизни, мирного будущего. «Как повышаете свой идеологический уровень?» — задали Нине Васильевне вопрос на какой-то очередной партийной комиссии в 1944 г., она ответила: «Читаю Толстого — „Войну и мир“». И получила неожиданную оценку: «А ведь здорово! Это настоящее!». Именно с этой точки зрения Н. В. Мансветова часто вспоминала о своей работе и о коллегах во время войны.

В этой связи Нина Васильевна часто поминала Марию Петровну Цамутали, учительницу литературы,⁶ с которой судьба соединила ее в годы войны: «Она давала такие уроки, что жить хотелось. И это — в самые тяжелые годы блокады! Мария Петровна дух человеческий укрепляла, делала его сильным. Как это нужно было тогда!.. Откуда сама-то силы брала? Жизнь хорошо знала... Ободрить умела — так просто, ненавязчиво и очень тепло. Словечко скажет, а оно — на всю жизнь западет. Как-то, уже после войны, я говорю Марии Петровне, что муж цветов мне не дарит, а она — с улыбкой: „Был бы виноват, тогда бы носил цветы. Значит — не виноват!“. Как на крыльях летела я дсмой!..».

Закончилась война. Не вернулся с фронта брат Александр. Похоронки не пришло. Родственники долго разыскивали его как рядового, предполагая, что, «может быть еще найдут его, что отзовется он, живой, родной»... Только в 1960-е гг. на очередной запрос о нем пришел ответ, что майор Александр Васильевич Мансветов погиб под Москвой.

Зато вернулись с фронта младшие братья, которые ее называли своей второй матерью. Один, брат Николай, в первых же боях под Москвой был тяжело ранен в ногу, долго лечился и уже не призывался в армию по инвалидности. Еще в госпитале он был зачислен в Московский государственный историко-архивный институт, который закончил с красным дипломом, получил распределение в московский Институт истории. Сразу же был командирован в состав одной из научных комиссий в послевоенную Германию. Защитил диссертацию.⁷ Выстраивалась дипломатическая карьера. Страшная нервная болезнь, как последствие ужасной войны, настигла его уже потом. Другой брат Мансветовой, Василий Васильевич, тоже вернулся с фронта. Два ранения, осколок в теле, военное звание. Поступил на заочное отделение исторического факультета Педагогического института, закончил его и работал потом в Артиллерийском музее.⁸ Имел два боевых Ордена Славы. Но умер в 1992 г. не от военных ран, а через год после того, как был жестоко избит возле своего дома.

Из освобожденной Калининской области переехала в Ленинград мать Нины Васильевны с печальным известием о том, что в мологинский дом, дом их детства, попала бомба. А тогда, в самом начале войны, ее дочери, Нина Васильевна и Анна Васильевна, просили свою мать уехать с ними, но она наотрез отказалась: «Здесь мой дом — здесь мне и умирать!». Потом рассказывала: «Из домов нас выгнали. Мы на огороде земляночку сделали. Вот она, да еще банька — там с Раменскими⁹ всю войну, пока под немцем были, так и жили».

Во Ржеве Анна Васильевна тогда работала железнодорожным диспетчером¹⁰ и помогла Нине Васильевне выехать одним из последних поездов в Ленинград. Военные события развивались быстро и страшно. Анна Васильевна так рассказывала о тех минутах, когда немецкие части уже входили в город: «Железнодорожные службы отправляли составы до последнего. Нас, диспетчеров, было две или три девчонки. Мы были в запарке. Вдруг вбегает к нам начальник станции с криком: „Дуры! Что сидите? Немец уже здесь! Догоняйте! Может быть, успеем!“ — и исчез. Мы выскочили — на путях пусто, только дрезина с ручным управлением. Вот на ней мы и ушли из Ржева... Можно сказать — на виду входящего войска покидали город. Эдак и гнали до самой Шаховской... Даже курточку свою не успела прихватить, она на спинке стула так и осталась висеть». «Эта курточка» стала знаком беды для каждого Мансветова...

Начались годы мирной жизни. У сестры и у вернувшихся братьев, как и у самой Нины Васильевны, сложились семьи, появились дети.

Тяжелая болезнь, развившаяся вследствие блокадных стрессов, недоеданий, а также из-за отморожения ног еще в финскую войну, свалила мужа. Почти семь лет он был прикован к постели. В 1963 г. его не стало. Мужественно несла свой крест Нина Васильевна. Мало кто догадывался о бесконечных бессонных ночах, о моральных и физических перегрузках этой всегда ровной, спокойной, приветливой женщины. Дома постоянно жили взаимопонимание, радость и любовь.

Взаимная помощь и поддержка друг друга особенно крепко связала семью Нины Васильевны с родственниками мужа и с семьей ее сестры, Анны Васильевны.

После войны, в мирное уже время школа развивалась также не просто. Не хватало школьных зданий. Начальные классы всегда были переполнены: набирали до 45 человек. Бывало, что и больше, но это уже носило временный характер; вмешивалась администрация, и стремились что-нибудь изменить. В старшие классы доходили не все: кто менял школу, кто уходил в ремесленные училища, кто поступал в техникумы.

В памяти тех, кто знал Н. В. Мансветову, она запомнилась такой: гладко причесанная, сдержанная, сосредоточенная. Каждый день — две стопки тетрадей: по русскому языку и по арифметике, а в тетрадях — красными чернилами написаны ее рукою образцы, как в прописях, задания, и, конечно, отметка. За этой внешней стороной образа «типичной учительницы» стоял напряженный труд, постоянный поиск и размышления. Как-то на даче летом собрались учительницы. За окном — волны Ладожского озера, ветер, солнце, а у них свой разговор. О чем? Конечно, о работе, об учениках, о педагогических находках. На другой день тетя Феня, хозяйка дома, и говорит: «Я очень хочу перед Вами извиниться, я вчера слушала ваш разговор, думала, что, как обычно, дачники мне будут косточки перебивать — а вы только о школе, только о школе, о школе и учениках...». Действительно, она жила жизнью школы, проживала жизнь своих учеников. Всегда была вместе с ними. «Как заставить читать? Почему вдруг испортился почерк?». «Замкнулся, не хочет говорить — что это значит?» — или, наоборот — «очень возбужден», «бледен», «вертится» и т. д. и т. п. Все эти, как бы побочные, черточки поведения ученика становились предметом выявления общей картины его внутренней жизни, делались объектом отдельного анализа, чтобы собрать curriculum vitae, активизировать все силы ученика, все его интересы, душевные ресурсы и направить в единое русло — научить учиться.

Учиться должно быть интересно! Это должно стать не только потребностью ученика, но и радостью! Радостью, которую делишь с кем-то. При этом всегда вспоминала широкий бабушкин жест, обращенный всему миру и церкви, когда она перекрестилась, узнав, что ее внучка вдруг начала читать.

Нина Васильевна старалась подыскать к каждому ребенку свой, индивидуальный ключик. Особенно трудно было работать с талантливыми детьми. Она была убеждена, что «ребенок должен иметь постоянно преодолеваемую им лестницу знания», что именно это вырабатывает характер, закаляет силу воли и правильно развивает нравственную основу его личности. «Зачем Таню Корнфельд¹¹ учить читать, когда она уже теперь читает Диккенса? И прячется под парту, чтобы я не отняла у нее книжку. Да она просто возненавидит учебу! Я разрешила ей читать, но с условием, что она мне перескажет то, что прочитала». Или: «Я не могу ставить Ване Раку¹² пятерки только за то, что он уже до школы владел этими знаниями — я просто его испорчу!». Или: «Лене Кобяку¹³ нельзя ставить пять за решение общих контрольных — ему нужны задания более сложные, индивидуальные». «Талантливых детей очень просто испортить — их можно захватить, они загордятся, потеряют интерес к учебе, у них может ослабеть воля», — говорила Нина Васильевна об особенностях работы с одаренными учениками. Таким детям она разрабатывала отдельные задания. Но чтобы не ставить этих детей в исключительное положение и чтобы у остальных детей не возбуждать чувство зависти или собственной неполноценности, задания на карточках получали все в классе.

Нелегко было и с «запущенными», «проблемными» детьми. Здесь уже надо было разбираться, с какими трудностями встретился ребенок и почему вдруг потерял интерес

к учебе. Причины были совершенно разные: дом, семья, товарищи, улица, болезнь. Все входило в живое поле работы учителя с детьми. В тихой и вроде бы спокойной работе учителя бывали и опасные ситуации. Так, однажды она поняла, что уже ничего одна, без помощи родителей не сможет сделать для своего Лемеша, втянутого в уличную грязь и разврат. Она пришла в дом ученика. Грязные стены, лампа, спускающаяся на голом проводе с потолка, разбросанные постели, четверо детей... Беременная мать, вечно испуганная, тихо плакала и что-то обещала исправить... «Что ты плачешь? — раздалось вдруг из кучи одеял. — Кто тебя обидел? Ах! Это учительница! Да я ее!». Посыпалась брань, в руке появился топор. «Уходите! Уходите! Он пьяный!» — беременная вытолкала учительницу. Удар топора в захлопнувшуюся дверь поставил точку в «разговоре» с родителями. Дома Нина Васильевна плакала — но о чем? О невозможности помочь ребенку: «Неужели так и отдать его улице?».

Конечно, «потерянных детей» было немного. За каждого ребенка приходилось бороться, чтобы не потерять его, не уступить улице, чтобы не отправить в исправительную колонию. «Сложные дети» часто становились потом истинными друзьями Нины Васильевны, благодарными ей на всю жизнь. Сколько она выслушила за годы своей работы таких слов: «Много я тогда попортил Вам крови, но Вы сделали меня человеком — спасибо!».

Ученики уходили от нее, а она помнила их всех, за кого радовалась, о ком грустила. Очень любила рассматривать фотографии. Перепич Стасик, Наташа Левчиня, Леша Несенюк, Ира Липина, Саша Король, Подольский, Миша Беккер, Володя Решетников, Юра Дмитриев, Гена Додин — эти и много, много других имен ее учеников — просто жили в доме учительницы. Она помнила их тетради, их почерки, отметки. Какие-то тетради долго хранила как образцы для других учеников. Особенно помнила детей военных лет: Сережу Бокова, Андрея Крюкова, Алешу Цамутали, Сережу Федорова... Перед смертью все собиралась встретиться с Андреем Крюковым, чтобы «все вспомнить, обо всем поговорить». Очень понравилась ей его книга о музыкальной жизни блокадного Ленинграда. Была тронута верной памятью своего ученика о тех годах...¹⁴ Но встречи не случилось...

Особой страницей в творческой биографии Нины Васильевны была ее работа с Александром Израилевичем Раевым, профессором ЛГПИ им. А. И. Герцена, доктором психологических наук.¹⁵ Он приводил студентов на практику к ней, сблизился с Ниной Васильевной и Зоей Николаевной Федоровой,¹⁶ учителями одной параллели в начальных классах школы № 82, и включил их в планы своей научной работы. На базе «открытых» уроков, разбирая их и обобщая большой педагогический опыт практической работы учительниц, он обучал студентов и аспирантов, как надо работать с учениками, выстраивать тот или иной урок, втягивая учеников в процесс обучения. В результате этого сотрудничества потом было сделано несколько кандидатских диссертаций по методике преподавания в начальной школе. Работа с Раевым была достойным итогом педагогической деятельности Нины Васильевны Мансветовой. «Как хорошо, что мой опыт пригодился для исследований и научных обобщений, что он оказался востребованным, нужным для людей, а для себя — я смогла взглянуть на свою работу со стороны, обобщить то, чему научилась у моих предшественников и чего достигла сама. Вот и образовалась цепочка дел живых», — говорила она потом, с благодарностью вспоминая годы сотрудничества с этим исследователем.

Тем не менее ее никогда не покидала мечта о будущем лучшем своем уроке. «Эх! Какой урок я хотела бы дать — это был бы лучший мой урок!.. Я так обязана многим моим друзьям и коллегам за то, что из меня получился учитель», — любила она повторять, особенно выделяя блокадный период своей жизни. Об этом лучшем своем уроке она мечтала до самого последнего дня.

Публикуемые теперь «Воспоминания» Нины Васильевны Мансветовой о ее работе в годы войны хранятся в Отделе рукописей РНБ (ф.1000. Собрание отдельных поступлений. 1985. № 3). К ним присоединены сочинения учеников четвертого класса ленинградской школы № 82. Материалы «Воспоминаний» использовались в докладах, статьях, на выставках.¹⁷

Н. В. Мансветова
Учительница 82-й школы г. Ленинграда
Воспоминания о моей работе в годы войны

В 1976 году я встретила с писателем А. М. Адамовичем. Он с Д. А. Граниным собирал материал к своей будущей книге о ленинградской блокаде.¹⁸ А. М. Адамович много и подробно расспрашивал меня о том времени. Рассказала я тогда все, что пришло на память.

Но вот ушел он, а воспоминания все больше и больше обступают, повторяются, множатся.

И не потому, что до его прихода они не жили во мне.

Приход писателя как-то по-новому заставил взглянуть на прошлое.

* * *

Начало войны для меня навсегда соединено с моей дорогой из Москвы, где я оказалась в день объявления о нападении Германии, во Ржев. Я выехала туда сразу же — 23 июня. Эта дорога до сих пор стоит у меня перед глазами.

К поездам, идущим на запад, начиная от Волокаламска, по всей дороге (не только у станций) вышли женщины с детьми, стариками. Они сидели, стояли вдоль по насыпи в надежде последний раз увидеть своих близких — отцов, сыновей, мужей — и плакали, прощались. Чуть где покажется деревенька — тут и провожающие. И какие только здесь не были картины. Женщины с детьми (постарше — жмутся к матерям, а младенцы — на руках). Тут же старухи, старики — пешком дошли, на телегах добрались. Не забыть вид женщин: кто волосы на себе рвет — причитает, кто просто сидит, смотрит — и страшно, как смотрит. А одна, помню, качается из стороны в сторону, а по лицу слезы, слезы катятся. И такой плач по всему пути...

Проезжала — и оторваться от вида их не могла: все нутро наполнилось этой картиной. Поезда проходили сквозь эту женскую толпу — никогда не забыть этого проявления горя людского.

Уже после 15 августа я возвращалась из Ржева в Ленинград. Здесь пережила свой первый обстрел. В ожидании поезда находилась в привокзальном помещении. Вдруг послышался рокот самолетов, и в ночном воздухе посыпалось, зависло что-то светящееся, шуршащее, будто длинные иголки. И так близко, рядом. Было интересно: высунься в окно, протяни руку — и они на ладони. Потом раздался грохот — и пошло, и пошло...

Осветили фашисты станцию этими игольчатыми гирляндами — и ударили по ней. А в тупике стоял состав с боеприпасами, бомбы попали в поезд, снаряды начали рваться — и такое тут началось...

В ужасе выскочила я на улицу, кто-то куда-то закинул меня пересидеть. А утром знакомый дежурный диспетчер Веремко¹⁹ — за одну ночь черный стал — выходит на встречу, шатается:

— Принеси пить! — говорит. Принесли воду в чайнике — целый чайник залпом выпил — и уснул тут же, на улице, на скамейке.

Начальник станции, узнав, что мне надо в Ленинград, сказал:

— До Лихославля будет зеленый путь, ну, а дальше — не обещаю: Ленинград окружают немцы.

С тем и поехала. Действительно, до Лихославля поезд шел спокойно. В вагоне мало было людей, а после пересадки их стало еще меньше.

У Малой Вишеры поезд вдруг остановился. Встали мы среди какого-то кустарника — и тишина... Постояли, постояли, потом машинист начал дымом маскировать состав. Такое я видела впервые — удивляюсь, громко спрашиваю: что, мол, это такое? Вдруг мужчина, сидевший напротив, властно так и тихо говорит:

— Молчите! Не задавайте вопросов!

Примолкла я. Потом скомандовали, чтобы все пассажиры немедленно вышли из вагонов и бежали враспынную. Уже был слышен вой самолета. Мы неслись от поезда к кустикам — и все вместе, толпой...

— Врозь! Всем врозь! — неслись команды. Было страшно, и люди как овцы, жались друг к другу... Самолет обстрелял нас и улетел. Раненых не было. Объявили посадку. Поезд тронулся. В пути встретилось несколько разбитых составов.

В Ленинграде пока еще было спокойно. Я сразу пошла в школу (№ 82 теперь это — школа № 85 в Певческом переулке, дом № 4). Директор нашей школы Шутенина К. К.²⁰ уже эвакуировалась. Ксения Филипповна Тюрина²¹ исполняла ее обязанности.

Меня соединяла с ней почти десятилетняя совместная работа в 82-й школе. Когда я пришла в эту школу, в ней уже было много молодых начинающих учителей (человек 10–12). И она была нашим кумиром. На нее мы старались быть похожими в учительской работе. Уже в то время она была районным методистом по русскому языку. Мы ходили к ней на уроки и учились у нее не только методике преподавания, но учились еще — любить свое дело. Она вносила в процесс обучения простоту, ясность, умение владеть вниманием детей. У нее было интересно — и хотелось быть учительницей, и непременно такой же, как она.

Обычно она начинала урок с повторения нужного материала к данной теме. Эта разработанная методика повторения очень пригодилась в военное время.

В работе с молодыми учителями она строила свою работу не только на показе, демонстрации своих уроков, но и часто приходила на наши уроки. Для нас привычны были ее слова: «Я к тебе сейчас приду». И мы спокойно пускали ее к себе, зная, что, кроме добра, доброй помощи, ничего не будет.

В передаче своего опыта молодым она была бескорыстна и активна, считая это своей кровной обязанностью. Это воспринималось нами как нечто естественное. Теперь, к своему стыду, я не могу вспомнить, благодарили ли мы ее за эту кропотливую работу с нами. А ведь как часто, бывало, она говорила: «Что у тебя — прилагательные начинаешь?»

Не начинай без меня. Я приду и дам первый урок». И приходила. И давала такой урок, что я не узнавала своего класса — все работали, были активны, у всех в глазах светилось желание ответить. А начиналась такая... огромная тема, как «Прилагательное», простой фразой, обращенной к какому-либо ученику: «Дай мне, пожалуйста, карандаш! — Не этот, опять не этот» — и обращаясь к классу: «Что же нужно спросить, чтобы мы поняли друг друга?.. Какой карандаш?..». Но этого мало. После своего урока, данного в моем классе, она отмечала все слабые места в пройденном мною с классом материале и подсказывала, как исправить допущенные в работе ошибки. Это позволял ей обнаружить широко разработанный ею тогда метод повторения, основанный на глубоком понимании (и правильном применении методов) анализа и синтеза в процессе обучения. Для Ксении Филипповны не существовало нового материала — вне пройденного, новой темы — вне старой. Ее метод повторения помогал учить школьника думать и находить новое в уже известном, расширяя его границы. Радость открытия, творчества жила на ее уроках — именно это так увлекало учеников. Она создавала такую атмосферу, в которой ученик свободно проявлял себя, потому что новое базировалось на том, что им хорошо было усвоено. Разрыва между новым и старым не было в ее методе.

Помню, мы с Ксенией Филипповной тогда разбирали и сжигали школьный архив — два дня бумагами топили титан. В помещении было непривычно тихо и пусто, окна закрыты, на стеклах белели бумажные кресты.

В школу заходили учителя. Учитель рисования — Володя Шаховнин²² — пересказывал подслушанный им разговор детей:

— Один мальчик говорит: «Гитлера надо расстрелять за эту войну!». Другой возражает ему: «Нет, его надо повесить!». А третий, как бы повторяя материнское: «Нет! Гитлера надо заставить отмыть со всех окон наклеенные бумажки, а потом уже повесить!».

Заклеенные бумагой крест-накрест окна — этот знак войны детьми был подмечен сразу. И это было начало войны. Все ужасы голода, первой блокадной зимы, бомбежек, обстрелов — все это еще впереди.

А Володя Шаховнин, остроумный и веселый человек, учитель, к которому тянулись ребята (у него очень хорошо с ними получалось), — умер от дистрофии, кажется, уже в 41-м году.

Война внесла в жизнь каждого из нас крутые перемены. Часть учителей была послана на окопы (Ильинская Галина Владимировна). В помещении нашей школы расположилась воинская часть. Когда она была отправлена на фронт, в школе разместился госпиталь. Раненых сразу было много. Некоторые наши учителя стали там работать (Сахарова Александра Ивановна²³). Враг приближался. Несколько учительниц были мобилизованы на работы по подготовке города к уличным боям (Гуськова Мария Григорьевна). Они делали бойницы в угловых домах, для того чтобы под прикрытием стен было удобно просматривать движение на улицах и вести огонь по неприятелю. Тюрина Ксения Филипповна, Федорова Зоя Николаевна были направлены в детский дом — и воспитывали, и учили, и лечили...

Меня вызвали в райисполком. Как депутат я была включена в комиссию по сбору с населения теплых вещей для армии. Пункт сбора находился в ЗАГСе Петроградского района. По городу был объявлен сбор, и люди несли все, что у них было. Отдавали хорошие, дорогие вещи: валенки, шарфы, варежки, теплое белье, шапки, носки, фуфайки. Несли и просто шерсть. Какое-то производство списало нам много шерсти — и мы организовали заказы на вязание из нее носков и рукавиц. В вещи, которые приносили, люди вкладывали — без просьб и приказа — записочки для бойцов: «Бей фашистов!», «Победа за нами!» или что-нибудь в этом роде.

Все собранное мы сортировали по видам вещей: варежки, портянки, шапки и т. д. — все отдельно. Старенькие вещи чинили, штопали, зашивали — готовили к отправке.

И вот в конце августа иду я по коридору райисполкома, а мне навстречу идет одна женщина, с которой мы вместе работали, — держитесь за голову.

— Что с Вами, Анечка? — спрашиваю, а она:

— Какой ужас! — показывает рукой на одну комнату:

— Там вещи разбомбленных детей — их возвращают родным, — заплакала и прочь пошла.

До сих пор вижу тени несчастных женщин возле этой комнаты. А вещи-то там: детские сумочки, платочки, книжечки...

Так стягивалось кольцо вокруг Ленинграда. К местам эвакуации приближались немцы, и детей возвращали назад в Ленинград. Валентина Николаевна Жидкова,²⁴ секретарь райисполкома, говорила, что фашисты не только бомбили составы с детьми, но и на бреющем полете расстреливали детей через окна эшелонов.

В райисполкоме спецотдел занимался сбором ценных вещей. К каким-то работам привлекали и членов нашей комиссии. Так, помню, Анечка ходила в каком-то представительном составе в церковь, которая отдавала золото, деньги. Ценности отдавало и население. В газетах писали тогда о наиболее значительных вкладах граждан страны. Это были в основном известные люди: герои труда, лауреаты, артисты, писатели. Нам же сдавали ценности самые разные люди — и не испытывать глубокого чувства уважения и благодарности к ним было невозможно. Всех объединяло одно стремление — помочь Родине.

В комиссии по сбору теплых вещей я работала до нового года. Помню, как пришли врачи из 31-й поликлиники, принесли очень искусно сшитые рукавички (именно сшитые, а не связанные). Среди пришедших была и Мария Михайловна Сергеева, наш участковый врач (к весне 1942 года она была главным врачом этой поликлиники, а к 1944 году — заведующей райздравотделом Петроградского района). Помню, как она радовалась тогда, что их рукавички понравились. «Да, мы не только лечить умеем!» — говорила она, и было видно, как ей приятно.

Жизнь, всякое проявление жизни стягивалось все больше в какой-то бесчувственный, почти механический импульсивный ком рефлексов. И самый человеческий, возбуждающий волю, напрягающий все то, что еще оставалось вместо нас, был великий побудитель — НАДО!

Как мы пережили *январь-март* — почти не могу вспомнить. К концу декабря не было уже какого-либо регулярного посещения работы. Муж уже не мог передвигаться.

Я вызвала врача. Но дни шли, а врач не приходил. Это становилось опасно. Я побрела сама в поликлинику. Судьба снова свела меня с нашим участковым врачом Марией Михайловной Сергеевой.²⁵ К этому времени она была уже главврачом. Я расплакалась, она успокоила меня и взяла под свой контроль лечение мужа. Все больше и больше сдавала и я: мучила цинга, слабость была ужасная, стала опухать. Из этих дней запомнилась встреча Нового года. Каким-то образом сообщили учителям, что в институте Покровского будет бесплатный обед, а точнее — новогодний вечер для учителей. В памяти ничего не осталось от того торжества — только накрытые столы..., кто-то говорил речи, а мы сидели, и перед нами стоял нарезанный ломтиками хлеб — и мы потихонечку отщипывали кусочки... Выданный обед я поскорее понесла домой, не дожидаясь окончания вечера...

Жизнь чуть-чуть теплилась в нас и вокруг...

В это трудное критическое время муж вдруг стал вести дневник. Мне иногда кажется теперь, что это его и спасло. Однако уже 17 января он прекратил записывать, так как не мог самостоятельно подняться... Бывало,ходишь в комнату — смотришь,глядит он или нет...

Вспоминать об этом времени тяжело и больно.

Трупы на улицах города... Они появлялись все чаще и больше... У людей не было сил хоронить своих покойников, умерших выносили на улицы и оставляли так, прямо на снегу. Я жила в здании госпиталя. Бывало, идешь домой — лежит очередной несчастный, зашитый в простыню, а то и просто в одежде... Дворник сокрушается: «Опять притащили!..».

А то — прямо на улицах люди от голода падали — вмерзали в сугробы... Проходишь — из снега ноги торчат... И мимо плетешься — и почти никаких эмоций — и сам можешь лечь — вот так же...

И где эта грань между жизнью и смертью проходила? Одному Богу известно... А ведь еще что-то делали...

Очень остро стоял тогда вопрос о распределении продуктов. Мария Михайловна Останина,²⁶ депутат, ученый секретарь Института Покровского, и я привлечены были уже после Нового года в районную комиссию по проверке столовых. Мы приходили в проверяемую столовую, узнавали у калькулятора дневную норму закладки продуктов на блюдо, а потом на раздаче проверяли развеску порций хлеба, порционную развеску блюд первого и второго, смотрели санитарное состояние работников столовой (чистота рук, халатов) и помещений.

Помню случай. В одной столовой сделали замеры порций хлеба — оказалось чуть ниже положенного... Заметались, испугались работники...

Одна — говорит: «Да, это гирька упала!»

— Ищите!

— И вот ползают по полу — ищут...

Сделали предупреждение.

«Да, это гирька! гирька!» — так с этим и проводили нас. До сих пор стоит в ушах эта «гирька».

Жалкая история!

Однажды я была на очередном заседании райисполкома. Сильное впечатление произвело обсуждение работы столовых. Поднимался целый круг вопросов: и как работники должны относиться к посетителям, и о чистоте, и о качестве приготавливаемых блюд — обсуждалось даже меню!.. Запомнилось высказывание Валентины Николаевны Жидковой: «Давайте готовить, как следует!.. Щи! — так, чтобы были настоящими щами — с крупой!».

А потом уборка города... Это уже перелом... До сих пор поражаюсь — откуда силы взялись. И ведь очистили город, и не было никаких эпидемий!.. Весь город был разбит на участки, и каждый участок был закреплен за какой-либо организацией или домохозяйством. Нашей школе дали Певческий переулок — от Большой Посадской улицы и кусочек Малой Посадской до Института Покровского. Люди слабые, измотанные — женщины — тюкали ломами, гребли лопатами — и смогли сделать то, что было необходимо...

Почему-то запомнилась сценка: вышли мы на работу, среди нас — женщина с муфточкой, с сумочкой — и с ломом... Вот тюкает она ломом: в одной руке — сумочка, муфточка, другой — поднимает, старается лом... И муфточка-то ей мешает, и сумочка-то в бок бьет, и платок на лицо съехал... А расстаться с ними она не может... В сумочке — документы, карточки, а муфточка руку греет... И вот ковыряется, тюкает...

Уборка города — это как определенный моральный рубеж, первая моральная победа ленинградцев. Несмотря на то что смертность все еще была высока, люди воспрянули... Здесь уже и паек был прибавлен. Работала «Дорога жизни».

К весне я была включена в состав комиссии, которая определяла больных на усиленное питание. Работали на одном заводе. В комиссию входили врач, депутат и представитель завкома. Людей, больных дистрофией, ставили на усиленное питание или определяли на стационарное лечение.

Потом объявили, что в мае начнутся занятия в школах. Наконец-то!..

Помещение нашей школы было занято госпиталем, поэтому ученики и учителя нашей 82-й школы были распределены по другим школам. Серафима Николаевна Гусева²⁷ — учительница русского языка, Митусова Валентина Ивановна²⁸ — преподаватель литературы, Гуськова Мария Григорьевна — учительница начальной школы, и я были направлены на работу в 89-ю школу. Возглавляла тогда 89-ю школу скромная, чуткая женщина, среднего роста, мягкая, тихая — Мария Никитична Серебровская,²⁹ учительница географии (она была матерью писательницы Е. П. Серебровской). Она попросила меня помочь ей в организации питания учащихся. Нам нужно было собрать с родителей деньги, карточки детей, договориться с заводом относительно столовой и прикрепить к ней наших учащихся. Эта кропотливая работа требовала большой собранности, оперативности. Много детей эвакуировалось. Их надо было рассчитать, снять с учета, открепить от столовой, вернуть деньги и карточки. Другие дети появились вновь — и их без задержки надо было определить на питание.

В школу набирали с первого класса по седьмой. Человек 250–300 было к открытию школы — и, наверное, учителей десять.

В мае занятия начались. Они сводились в конце концов к тому, чтобы организовать детей.

Помню, собрали школьников в первый день... серенькие они, худенькие, неподвижные, тихие... Ну, просто — тени!.. Сели ребята, как маленькие старички, на солнышке во дворе школы, прилепились на каких-то бревнах и тихо говорят... Не по-детски так разговор ведут, однообразно, вяло — о том, что они ели до войны и теперь... только о еде — про хлеб, про манную кашу, про чай...

И вдруг — выскочила откуда-то маленькая девочка в беленьком платьице (откуда она и взялась!?)... и запрыгала, как бабочка... С недоумением, не понимая, смотрели на нее дети...³⁰

Решила я хоть как-то поднять их, хоть какую-нибудь игру начать. Построила детей, велела за руки взяться, круг организовать — и никак — ничего не получается у нас: слабые мы...

— Дети! Шире круг, шире! — говорю им, и сама не знаю, что же дальше делать — обидно — хоть плачь. И вдруг в спину слова: «Сытая учительница, вот и радуется!».

Сердце сжалось... С тем и начались занятия...

Завтракать повели детей в столовую. Там их встретили очень хорошо. Были накрыты столы, чисто — порядок во всем. Заведующая столовой ходила между столами подтянутая, прибранная (очень ей хотелось, чтобы детям все понравилось здесь), смотрела, чтобы порции в тарелочках были полноценные, чтобы никто не был обижен. И как не вспомнить о блокодной горбушке хлеба!.. Ее желал получить каждый из этих малышей. Жадный блеск глаз, губы, вытянутые навстречу подносу, на котором был разложен порциями хлеб — все выражение изможденного детского лица говорило: «Мне — горбушку!».

И какая мгновенная радость вспыхивала на лице счастливица...

Горбушку можно было есть дольше, ее можно было жевать, сосать...

Острый интерес к горбушке пропал только к концу 1943 года.

Так и водили мы детей завтракать и обедать, потихоньку включая их в учебный процесс.

И вышла у меня тут одна история, которая близко свела и на всю жизнь подружила с Марией Ниловной Власовой,³¹ учительницей математики, районным методистом.

Помню, я отпустила детей (а режим был такой: дети собираются, завтрак, два-три урока, обед, а потом школьников отпускали). Разошлись ребята, а я устроилась в столовой приводить в порядок документацию, карточки и деньги на следующий месяц. Лежит передо мной ворох этих бумаг. Вдруг подходит ко мне немолодая учительница — седенькая, худенькая, лицо доброе, открытое, — и говорит: «Давайте, я помогу вам хоть деньги считать». Разложила «тройки», «пятерки», «десятки» по кучкам, пересчитала каждую кучку, все перевязала, надписала — и оставила передо мной. Я поблагодарила ее, и мы расстались. Убрала я карточки и деньги в несгораемый шкаф, и спокойно ушла домой.

На следующий день прихожу на работу, меня с ужасом встречает вчерашняя помощница, кидается ко мне с вопросом: «Что вы обо мне думаете?». Гляжу на нее и не знаю, что сказать. «Да ведь я у вас все крупные деньги унесла домой! Простите меня — я

отложила их в тетраточку, чтобы они не мешались, увлеклась мелочью — про них-то и забыла. Прихожу домой, к урокам стала готовиться — деньги! Всю ночь не спала! Куда сообщить, куда бежать — не знаю! Прямо извелась — простите!».

— Ну, давайте теперь все проверим, — сказала я. — У меня вчера карточки сошлись, а теперь проверим деньги!

Все сошлось, история была исчерпана, волнения улеглись, и потом вспоминали про это с улыбкой: «Ну, надо же — какие разини!».

А ведь действительно разини: сколько случаев пропаж было и денег, и карточек.

С конца июня меня отправили в пригородный колхоз. Со мной человек 30 учителей и воспитателей детских садов. Прополка, уборка овощей. Жили отдельной бригадой, работали с утра до темна. Отпустили с грамотой. К нам в бригаду присылали художницу. Она сделала две стенгазеты и уехала в другую бригаду. Нас почему-то в одной из этих газет сравнивали с тракторами. Наверное потому, что на прополке мы ползали на коленях...

Однажды прихожу к своей бригаде — учительница плачет:

— Что случилось?

Оказывается у нее карточки пропали из сумочки. (А свои вещи все оставляли вместе на краю поля).

— Кто подходил к вещам?

Все указали только на одну женщину — пить ходила.

— Отдай карточки! — говорю ей.

И отдала она. Всем стыдно было.³²

К двадцатым числам августа мы вернулись из колхоза. Колхоз выдал нам по два кочана капусты, несколько свеклин, немного моркови — целое состояние! До сих пор так это и ощущаю, все той же мерой радости...

Приехала из колхоза — грязная, усталая, решила денек отдохнуть. Но уже к 12 часам из района человека прислали — почему не вышла на работу? Ох! И выволочку получила от заведующей РОНО Марии Яковлевны Перкиной.³³ «Война, а она отдыхает!». Направила она меня в 82-ю школу — в мою, родную, переведенную в помещение музыкальной школы на Кировском проспекте (там и теперь музыкальная школа).

Как настеганая — примчалась туда... В канцелярии меня встретила незнакомая учительница — высокая, худая женщина. Молча и, как мне показалось, сурово выслушала меня — пальцы правой руки барабанят по столу.

— Ну, вот, вы и пришли — будете преподавать историю в IV классе.

А потом, совсем неожиданно:

— Идите домой — вам отдохнуть надо.

Так произошла моя первая встреча с новым завучем нашей школы Марией Петровой Цамутали, красивым, одухотворенным человеком. Преподаватель литературы, методист, она перешла к нам из 85-й школы, законсервированной к началу нового учебного года. В мою жизнь она вошла сразу, с первых своих слов — и навсегда. Собранная, сосредоточенная, она умела держать высокую планку доброго, одухотворенного проникновения в жизнь. Ее взгляд, слова, интонации были всегда полны достоинства. С ней было спокойно, ее общение с нами было живительно. Умела она и поддержать, и

ободрить, и успокоить. Слова ее, простые и ясные, проникали в душу, запоминались. Одна история особенно нас сблизила. Но об этом чуть позже.

Начали готовить школу к 1 сентября. Каждый класс был укомплектован: человек 30–35 в классе. Некоторых классов было по два (например, вторые). И вот накануне открытия — в двух классах совсем нет чернилниц и не хватает одной классной доски. Смотрю, какие-то женщины ташат доску на дворницкой тележке — мимо школы... И вдруг — заворачивают к нам, в школу. В одной из них узнаю Ксению Филипповну Тюрину, работавшую тогда в детском доме. Оказывается — выпросила она доску в какой-то школе, которая была законсервирована — и рада больше всех. Так нам и осталось гадать, откуда она узнала, что нет у нас доски.

Чернилницы же только 1 сентября перед занятиями принесли из Пединститута Покровского — больше 40 непроливашек...

Директором нашей школы была назначена Елена Ефимовна Смирнова.³⁴ Это была умная женщина, умелый руководитель. В школе было девять классов — всех детей она знала не только в лицо — судьба каждого ребенка была ей известна. Трогательно было ее отношение к учителям.

Во двор нашего дома осенью упала бомба — повывлетали стекла. Два листа фанеры было выдано мне школой!

Однажды я заболела и ушла с работы. Она прислала из школы, узнать, как я дошла и не нужна ли какая помощь.

Такое внимание чувствовали все учителя. Зимой 1942 года заболела Мария Ниловна Власова, и сразу же к ней послали из школы помощников, которые отвезли заболевшей дрова и обед. Она умела беречь людей.

Зная нужды учителей и умея быстро реагировать на них, Елена Ефимовна была требовательна и принципиальна в работе. Под ее непосредственным руководством регулярно проходили педагогические советы с отчетами учителей об успеваемости учащихся. Тут уже скидок не было.

На педсоветах очень часто были инспектор Гороно и инспектор района Анна Калиниковна Пятницкая,³⁵ которая знала многих детей поименно. Они ориентировали нашу работу на требования партии и правительства.

Анна Калиниковна была бестужевка, преподаватель русского языка и литературы. Инспектор А. К. Пятницкая умело работала с коллективом учителей всего района. Контактный, демократичный характер этой женщины и бесконечная ее доброжелательность позволили ей занять в судьбе каждого из нас заметное место. К ней можно было прийти по любому вопросу в любое время.

Искусно вела она свою инспекторскую работу, превращая ее, по сути своей, в методическую. Она просматривала классные журналы, где отмечались пройденные темы и проставлялись оценки учащимся. Для нее это были не просто отчетные записи учителя: по ним она восстанавливала картину проведенной учителями работы с классом и могла судить о ее результатах. Последующий же просмотр ею ученических тетрадей позволял говорить ей о качестве этой работы, а также об индивидуальной работе с учеником. Многих учеников она знала поименно, и по учебе, и в лицо. Поэтому при обычной встрече на улице она могла спросить: «Ну, как твой Боков³⁶ — все озорует?». Этот вопрос не вызывал удивления — он органично выходил из наших общих интересов.

Она часто посещала наши уроки — умелый и тактичный разбор их всегда был полезен нам. Особое внимание она обращала на привлечение современного материала.

До сих пор, вспоминая ее, удивляюсь, как можно было так много, конкретно и подробно знать о жизни школ всего района. И это в самые страшные годы войны...

В районе уже в 1943 году проводились открытые дни в школах. В эти дни в школу на уроки приходили: зав. роно, инспектор роно, представители гороно и Института усовершенствования — человек 15.

Посещение заканчивалось разбором уроков. Помню, были у меня — в моем четвертом. Тема урока — «1905 год». Урок хвалили — теперь уже и не помню, за что хвалили, но недостаток своего тогдашнего урока — помню: висела лишняя картина в классе, которая не была использована на уроке.

Представитель Института усовершенствования в своем выступлении говорил о разумном использовании наглядных пособий в процессе обучения и об умении всеми средствами сосредоточить внимание учащихся на теме урока. Он приводил слова А. П. Чехова о ружье на сцене, которое непременно должно выстрелить. Заметил и у меня недостатки. В подготовке урока, в подборе наглядных пособий я допустила нарушение, забыла элементарное правило экономного, рационального отбора наглядного материала к уроку: повесив лишнюю картину, я рассеяла внимание учащихся и своими же руками мешала себе в достижении цели урока.

До сих пор благодарна методисту за такой тщательный и добрый разбор урока; в последующие многие годы своей работы я не раз вспоминала его слова.

Такие открытые дни были и в других школах. Вот, помнится подобный открытый день в 79-й школе. Я была на уроке истории у Зои Николаевны Федоровой. Тема — «Октябрьская революция». Урок был прекрасный, и в конце открытого дня при разборе я выступила. Сначала я дала оценку уроку, а потом сказала о значении открытых дней в условиях войны. Я говорила о том, что они необходимы нам, учителям, так как мобилизуют нашу волю и силы на работу, совершенствуют нашу методику преподавания. Ведь за счет тщательного анализа конкретных уроков ведется учеба учителей, обмен опытом между нами и обобщение этого опыта на высокопрофессиональном уровне, а это неизбежно обогащает и учителя-практика, и самого методиста.

Закончила я выступление такой мыслью — мы горды, что в условиях блокадного города мы имеем эти открытые дни, которые так много дают нам. Помню, что многие меня поддержали.

Проводилась методическая работа и в пределах школы: Елена Ефимовна Смирнова и Мария Петровна Цамутали проверяли контрольные работы, проводили их разбор, часто посещали уроки. Проводился и обмен опытом.

При посещении уроков М. Н. Власовой (методист по математике в 4–7 классах) всегда и всеми отмечалось, как прекрасно поставлен устный счет на ее уроках. Она умела увлечь детей своим предметом и была похожа на дирижера, руководившего дружным оркестром.

Дети любили эту учительницу. Помню, однажды я вошла в свой класс после ее урока. На доске нарисована рожица и очень похожа она на одного моего ученика.

— Что это? — спрашиваю. — Почему доска к уроку не готова?

А дети:

— Это рисунок Марии Ниловны. Нам очень нравится. Жаль стирать.

Потом выяснилось, что она так наказала ученика: делала, делала замечания — он не слушается; тогда она его нарисовала на доске и говорит нарисованному: «Да когда же ты будешь слушаться?».

Рассеянная она была ужасно. После ее уроков ученики частенько находили в классе ее вещи: очки, карандашики, тетрабочки с записями... Остановится она около ученика, чтобы в тетради поправить ошибку — и тут же горжеточку оставит, у другого — свой учебник, у третьего — ручку...

Е. Е. Смирнова очень любила посещать уроки М. П. Цамутали:

— У нее надо учиться соединять предмет с жизнью, с сегодняшним днем. Красивые, мудрые уроки! — говорила она. И, когда ей бывало особенно плохо, тяжело, она отправлялась на уроки литературы к Марии Петровне: «Сил набраться».

Здание музыкальной школы — прекрасно приспособленное, удобное и красивое помещение, но с печным отоплением. Это обескураживало нас. Откуда? Где взять дрова на такие печи? Перед началом учебных занятий в школу приехал председатель Петроградского райисполкома Павел Иванович Скотников,³⁷ посмотрел, как нам на новом месте, и выдал разрешение на снос деревянного двухэтажного дома на Мичуринской улице — вот вам дрова для школы! И еще — получили мы инструкции, как разбирать деревянные постройки. (И теперь перед глазами эта книжечка формата книжки-малютки.)

Изучили мы эту инструкцию — и стали ломать... Всё женщины — ни сноровки, ни силы, ни умения — одна инструкция. Крышу разобрали, стропила, балки... Бестолково натужно работаем. Вниз кидаем. Кинули очередную балку — и вдруг видим — внизу идет Мария Петровна Цамутали. От ужаса оцепенели, затихли... потянулось жуткое молчание...

И вдруг в тишине: «Товарищи! Я жива! Жива!» — поняла Мария Петровна наше состояние и ободрила нас. Какая радость была!.. А совсем недавно, буквально на днях, узнала я, что то, брошенное тогда бревно задело ее — и обмерла душа, как тогда в тишине... потому что хранит сердце страх тех жутких минут...

Работа по разбору деревянного дома шла медленно. Перетаскивать бревна в школу не было сил. Тревожились мы за сохранность с таким трудом добываемых дров.

Однажды сижу я в учительской на дежурстве, вдруг входит военный:

— Капитан Блохин. Пришел узнать, в какой помощи нуждается.

Предложения помочь школе были уже до него, но дальше разговоров дело как-то не шло, поэтому я довольно резко сказала:

— Ходят тут много, таких как вы, а в результате, как дело — так и нет никого.

— Вы скажите, что нужно — я обещаю помощь, а потом и знакомиться будем. Согласны? — ответил он.

— Попробуем, — довольно скептически сказала я и назвала адрес злополучного дома.

На следующий день, как сейчас помню, пятнадцать моряков-курсантов пришли на работу. Все закипело. Дом был разобран. Бревна перевезены на машине, которую дал

военно-морской экипаж. Доски и мелкие бревна мы носили к школе вместе с учениками: старшие несли тяжелые, а младшие — мелкие доски. Шествие растянулось и наполнило почему-то процессию муравьев.

Так вошел в жизнь школы капитан Георгий Петрович Блохин.³⁸ По специальности он был учителем истории и прекрасно представлял нужды школы. Преподавал в Военно-Морском экипаже. Всегда подтянутый, всегда готовый прийти на помощь, он быстро сдружился с нашим коллективом.

Чуть что, мы звонили ему. На праздники он присылал в школу военный оркестр, которым руководил композитор Борис Киянов.³⁹ Детям, у которых погибли на фронте родители, а также детям, на долю которых выпали особенно мучительные испытания, офицеры Военно-флотского экипажа на свои личные деньги делали подарки: или выдавались деньги, или оплачивалось питание.

Несколько раз за время шефства из экипажа присылали машину (может быть, даже автобус), которая забирала группу детей — человек в тридцать — и доставляла их в курсантскую часть. Для детей, конечно, это был праздник. Там они смотрели, как живут матросы, присутствовали на их вечерах, а иногда дети готовили и свои выступления на праздники и выступали в части.

Хорошо запомнила, как в первый раз отправили туда детей. Сопровождала их учительница истории Коршунова Анастасия Андреевна.⁴⁰ Увезли детей в часть, начался обстрел — пришлось их оставить там на ночь. Блохин позвонил в школу. Дети ночевали в красном уголке части. Поездка эта доставила массу удовольствий ребятам — и массу хлопот старшим.

С мая 42-го года особенно и потом постоянно в школе обращалось внимание на чистоту. Директор, учителя, врач и медсестра глаз не спускали с классных помещений, туалетов, околешкольной территории. Так было по всему городу. О чистоте говорила по радио и очень известная в то время учительница Кропачева.⁴¹ Помню, что меня это выступление даже разочаровало: она говорила о чистоте и порядке в своем классе как о чем-то особенном. Но борьба за чистоту велась в каждой школе.

В связи с этим вспоминается, как один раз, войдя в свой класс и увидев его в сильно замусоренном состоянии, я заставила детей навести в классе порядок, а потом выгнала всех, закрыла класс на ключ и сказала, что я не хочу их больше учить. Дети робко выстроились в коридоре у класса.

— Что это у вас? — спросила проходившая мимо директор школы.

— Мы мусорили, — признались дети.

Елена Ефимовна попросила меня открыть класс, вошла в него и сказала:

— Смотрите, как вы умеете убирать класс, — научитесь, пожалуйста, сохранять порядок! — и, обращаясь ко мне, попросила:

— Разрешите, пожалуйста, войти детям в класс. Если еще раз повторится — будем отчислять.

Все — вопрос о чистоте был решен.

В августе и сентябре–октябре 1943 года, давая уроки, принимая участие во всех школьных делах, я должна была, как депутат, проверять готовность жилого фонда к зиме. За лето 42-го года и в 43-м году были проведены большие серьезные ремонтные работы по

водоснабжению населения и приведению в порядок канализации, по проверке отопительной системы. Мне приходилось лазать на крыши, на чердаки, в подвалы, проверять заделку окон, наличие воды, песка на чердаках, проверять санитарное состояние и захламленность подвальных и чердачных помещений.

Когда закончилась эта осенняя кампания, меня включили в комиссию по проверке брони у людей призывного возраста. Комиссия состояла: представитель райвоенкомата, депутат, спецотдел (?). Работали на заводах через отдел кадров. Каких-то нарушений, по-моему, не было (не помню). Только одна была неприятная история.

Пришли в столовую. Директор столовой имел право на бронь при условии определенного численного состава прикрепленных к столовой людей. Пришли, спросили отчетность о количестве ежедневных закладок, включая закладку сегодняшнего дня. Оказалось человек на 100 меньше нормы. Директор умолял скрыть это. Противно было смотреть в лицо этого здорового мужчины.

К первому сентября 1943 года мы готовились тщательно. Своими руками отремонтировали всю школу. Блохин смог нам дать только инструктора по ремонтным работам — он и руководил нами. Школа была, как новенькая.

Первого сентября приехали кинодокументалисты, засняли красоту нашу. Буквально через десять дней мы бегали (и учителя, и ученики) в кино смотреть журнал перед началом фильма — весь про нашу школу. Заснят там и мой урок: я веду вводный урок истории в четвертом классе. Карты висят. Дети слушают. Как сейчас вижу: на первом плане мой любимый ученик Сережа Федоров.⁴² глаза черные, внимательные... Мальчик из очень простой семьи: отец — на фронте, мать работала дворником. Сережа учился прекрасно и все дети в классе его любили. (В 43-м году он погиб при обстреле на глазах матери).⁴³

Только 10–13 сентября мы смотрели этот киножурнал, а 14-го — был жуткий обстрел: шестнадцать снарядов разорвались вокруг нашей школы. Один снаряд попал в трамвайную остановку, слышны были крики о помощи. Когда начался обстрел, мы успели спуститься в коридор первого этажа (наше бомбоубежище было в соседнем доме, а школьный коридор имел прочные перекрытия, его боковые стены защищались служебными комнатами, и он вполне мог выполнять роль убежища). Дети группами сидели вокруг своих учительниц. Мой четвертый был со мной, все жались ко мне, каждый старался хоть пальчиком дотронуться до меня, а я никак не могла унять дрожь. Понимала, что теперь только во мне одной они ищут хоть какую-то твердость, опору... напрягла все силы, чтобы унять страх, — и вдруг совершенно выключилась: мысленно перенеслась в свои родные места, в детство, к маме — и перестала дрожать. Вой сирены скорой помощи вернул меня к действительности.⁴⁴

Прямого попадания в школу не было, снаряд разворотил колонну при входе в школу, взрывной волной были выбиты все стекла.

После обстрела первый, кто приехал в школу, был Павел Иванович Скотников. Он был рад, что у нас нет жертв, что дети целы. Поблагодарил нас, но при этом был мрачен, немногословен, походил по школе и очень быстро уехал. И было отчего хмуриться хозяину района: в 89-й школе разворотило все лестницы, были жертвы,⁴⁵ пострадал детский садик напротив госпиталя — тоже с жертвами... Жертвы по району были и еще.

На следующий день в школу пришли комсомольцы от райкома во главе с секретарем Петроградского райкома. С проклятиями в адрес Гитлера помогли убрать школу.

После обстрела приехали и киношники, но наши горечь и раздражение были настолько сильны, что мы единодушно не разрешили снимать школу в таком виде. Почему-то казалось это кощунством, хотя теперь думаю, что напрасно не разрешили снимать.

В этот обстрел пережила я и еще одно волнение. В нашей школе учился мальчик Азик.⁴⁶ Он занимался в классе 5–6-м, но, как случался обстрел, присоединялся к моему классу. Я привыкла к этому и не выпускала его из-под наблюдения. Но в этот обстрел он убежал и от меня — просто исчез из школы. Я очень переживала — где мальчик? Крики о помощи с улицы остро и болезненно отзывались во мне. Только на следующий день я увидела его, стала бранить — все сказала. А он смотрит виноватыми, широко открытыми глазами и говорит: «Я не знаю, как это случилось: ноги сами побежали к маме».

А мама-то его работала в районе ДЛТ. Представила я, как по Кировскому мосту бежит мальчик от ужаса, от страха к маме — весь гнев прошел... Вспомнилось тогда, как и я сама, в день объявления войны в какой-то душевной панике взяла билеты на Ржев, чтобы прижаться к маме, найти тепло и защиту...

Во время этого обстрела Елена Ефимовна, директор школы, была больна. Страшные головные боли приковали ее к постели. Но ужас обстрела не обошел и ее. Она жила в доме, где жил Максим Горький (напротив тепершней станции метро «Горьковская»). Снаряд разорвался на ее балконе, взрывной волной сдвинуло одну стену в комнате, которая целиком упала на противоположную стену, у которой стояла кровать больной, и закрыла ее от осколков и разрушений. Придя в себя, Елена Ефимовна выползла из-под ненадежного укрытия, спасшего ее от верной гибели.

Сереза Федоров

Однажды в воскресенье я дежурила в школе. Вечером пришел Сереза Федоров, мой любимый ученик из IV класса.

— Нина Васильевна, давайте я что-нибудь буду делать! Давайте я помогу Вам чем-нибудь.

— Нет, Сереза! Ничего не надо. Иди домой! Все спокойно, — говорю мальчику, и он ушел.

Мама его дворником работала с младшим сыном в тот вечер снег убирала на Куйбышевской улице (тогда название было другое). Сереза к ней и пошел.

Разгребали они снег. Начался обстрел. Снаряд разорвался рядом. Обоих детей ранило. Мать (Маргарита Васильевна) к младшему бросилась, а Сереза упал:

— Мамочка! Мне больно! — стонет.

Оттирает она малыша, крики его унимает.

— Ползи, сынок, ползи ко мне! — старшему говорит.

Подтянулся Сереза к ней, и на руках Маргариты Васильевны умер.

Хоронили Серезу школой. Гроб деревянный сделали. Блохин машину дал. На похороны я идти не могла, заболела. Дома была — места себе не находила, зачем я тогда не задержала его, не придумала какого-нибудь дела. И вдруг привиделся мне Сереза — весь в белом — в дверях остановился — глаза черные, внимательные.

Через полгода подходит ко мне его мама, Маргарита Васильевна,⁴⁷ и отдает пачку папирос:

— Возьмите, пожалуйста, это Сереза все носил для Вас, да стеснялся отдать.

И заплакали мы с ней...

Однажды сижу в учительской. Вдруг слышу в школе выстрел. Выхожу в коридор — никого, в класс заглянула — никого, в туалет мальчиков вбежала — вижу: мальчишки стрелять учатся. Я — к директору. Она забрала их к себе, поговорила, они ей рассказали и про пистолеты, и про пулемет — все это они вытащили из танка, который находился на ремонте в мастерской недалеко от школы, чтобы на фронт бежать. Сдали они ей оружие, назвали место, куда пулемет спрятали (под Кировский мост), а про гранаты не сказали, дома под подушкой прятали. Потом пошли в парк Ленина взрывать их. Граната разорвалась в руках. Один мальчик был тяжело ранен — ему руку оторвало, истек кровью и умер, другой испугался и убежал домой...

Одного мальчика в моем классе звали Адольф⁴⁸ (фамилию не помню). Однажды подходит он ко мне:

— Не называйте меня по имени — никогда! Стыдно иметь такое имя.

Гитлера, фашистов дети ненавидели люто. Ходил даже по городу слух, что в игре, разбившись на две группы, как обычно бывает, когда ребята играют в войну, они схватили будто бы одного мальчика и повесили, говоря, что он Гитлер.

Летом 1943 года многие старшие классы работали в колхозах, как и в предыдущее лето. Для младших же школьников были организованы при школах детские площадки. Учителя водили детей в столовую, гуляли с ними, и занимались их развитием: читали, считали, разучивали стихи, проводили соревнования на лучшего чтеца, декламатора, художника. В распорядок дня был введен и тихий час для детей.

Учительница 89-й школы, Антонина Ивановна Горелкина,⁴⁹ гуляла с детьми в парке Ленина. Начался обстрел.

— Дети! Скорее под кусты! — металась от одного к другому учительница.

На ее глазах тяжело ранило семерых детей, а одному — снесло полчерепа. Антонина Ивановна несколько дней после этого не могла выйти на работу. Тяжелейшее нервное расстройство.⁵⁰ Разговор об этом никогда никто с ней не заводил.

Однажды директор школы сказала мне: — К вам на урок придут солдаты с фронта. Пусть они посидят с детьми — примите их, как следует. Пришло человек 20 — каждый из них сел за парту, а рядом устроились по одному, по два мои четвероклассники. Целый урок просидели фронтовики с ребятами. Одни слушали детей, другие сами что-то рассказывали, дети показывали свои тетрадки и учебники — и взрослые с охотой рассматривали их. Время пролетело незаметно. Тихая, доверительная беседа.

Ребята были в восторге от этого посещения.

После этого на продленном дне я предложила им написать небольшое сочинение — не для проверки. Тема: «За что я ненавижу фашистов». Некоторые сочинения остались у меня.⁵¹

Восьмого марта 1943 года. Этот день очень памятен. От своих мальчишек получила подарок — в коробочке два красных карандашика, три кусочка сахара и несколько конфеток-подушечек. Открыла я коробочку — да так и ахнула!..

Вместе сладкое съели, а карандашики долго служили мне.

В мае того же года, после праздников, учительница Галя Яковлевна Вангенгейм⁵² на улице вдруг как заплачет:

— Обещали к маю победу, а еще война — и конца ей нет! А я так устала!

Ах, эти слезы учителей, всегда всё и всех понимающих, постоянно вбирающих в себя все беды и несчастья своих ребятишек и их родителей!.. Эти слабые женщины были сильны и мудры, а для себя — только иногда позволяли расслабиться...

В 1942–1943 годах в школу пришла молоденькая пионервожатая, милая девушка Фабричева.⁵³ В моей памяти именно с ней связана перестройка пионерской работы в школе. Как приятно было видеть не серую, вялую кучку детей, а подтянутых ребятишек, выстроившихся в зале, — пионеры. Всем лишениям, тяготам и утратам можно было противопоставить только дисциплину и самодисциплину. Именно на это и была направлена пионерская работа.

В условиях военного города детей необходимо было растить. Ослабленные голодом ужасной первой блокадной зимы, нервно истощенные, издерганные ребятишки — им надо было дать здоровье — не только физическое, но и духовное. Дети формировалась на материале военной жизни, разрухи, страшного быта. Помню пионерские сборы тех лет: «Народные мстители», «Страна помогает фронту», «Герои фронта» и т.д. Из учеников был организован актив помощников. Ребята сами разыскивали материал к сборам — из газет, радиопередач. В школе проводились политинформации силами самих учащихся. Помню, Алеша Цамутали,⁵⁴ ученик 6–7 класса, прекрасно справлялся с этим. Его поэтому и называли — историк.

Дети жадно тянулись к людям фронта. Так очень им хотелось увидеть генерала. (Тогда все эти звания были только введены.) Однажды Елена Ефимовна говорит мне:

— У меня есть телефон генерала — детям знать его не надо, а пригласить хотелось бы. Пожалуйста, поговорите с ним детским голосом (у меня это, действительно, получалось), пригласите на сбор!

И пригласила! И пришел! — и до сих пор, вспоминая об этом, чувствую в себе волнение и детскую радость... Настоящий генерал! Он понимал, как нужно знать детям о мужестве отцов...

Ребята того времени много и умело помогали взрослым. Нашему классу дали задание: принести 10 ведер песка на чердак от Петропавловской крепости. Я не могла пойти с ними и мучилась из-за этого.

— Не волнуйтесь! Мы все сделаем!

И пошли. Пока они ходили, я извелась: вдруг обстрел! Вдруг налет!

Ребята пришли и принесли 10 ведер песка. На мой вопрос: «А страшно было?» — ответили: «Нет! Мы построились парами и песни пели — строим идти не страшно».

С самого начала войны в школе было организовано дежурство учителей. Дежурный должен был записывать все наблюдения в вахтенный журнал. Дежурным часто помогали дети. Те, что помладше, дежурили по школе, а старшие — на чердаках, а потом хвалились друг перед другом, кто больше сбросил зажигалок.

27 января 1944 года — никогда не забыть этот день!

Б л о к а д а с н я т а !

Из дневника мужа:⁵⁵

«15-е января.

Всю ночь и весь день с утра бьют наши орудия. И с суши и с кораблей...

Нина утром приходит в класс на урок. В классе никого... Оказывается — ребята в зале, облепили окна и внимательно наблюдают за вспышками на кораблях, которые бьют по немцам...».

Действительно, ночью и утром страшно били пушки. А радио молчит — тревоги не объявляют. Пошла в школу. Мои мальчишки повскакали на окна зала, прилипли к стеклам. Я гоню их в убежище, а они:

— Нина Васильевна! Да разве Вы не слышите — это же наши бьют!!! Наши!.. Они фашистов прогонят!

Лица горят, глаза сверкают...

А потом заниматься стали под грохот канонады.

Директор нашей школы Елена Ефимовна Смирнова — первая получила медаль «За оборону Ленинграда» в нашем коллективе. Мы пришли поздравить ее, и она сказала: «Я получила медаль не только за свою работу. Ваш труд вошел в эту награду. Эта награда всему коллективу».

* * *

Я благодарна судьбе за то, что в самое трудное время для всех нас, для страны я встретила прекрасных, светлых людей... Многих уже нет, о ком я вспоминаю... Но память о них, о всех, кто был рядом, жива, потому что они помогали выстоять, выжить...

1977–1979 гг.

Сочинения учеников
IV класса 82-й школы Петроградского района
1944 год
Январь

*Работа Горячева В.*⁵⁶

За что я ненавижу немцев.

Когда началась война, нас эвакуировали в Боровичи, где мы жили со школой 2 месяца. Но потом нас обратно повезли в Ленинград. Когда мы ехали по дороге в Ленинград, на нас налетели немецкие самолеты. Много ребят погибло. Когда мы приехали в Ленинград, немцы уже опоясали город со всех сторон. С продуктами становилось все хуже и хуже. Людям не хватало хлеба и продуктов. Много людей погибло от голода и холода. Лично у меня погибла бабушка и братишка Миша. За которых я буду мстить учебой.

Работа Майорова Олега,⁵⁷ 4-го кл.

За что я ненавижу фашистов.

Когда я был на даче в 1941 г., однажды в воскресенье 22 июня утром пришли хозяева и сказали нам, что началась война с немцами. Мы сначала им не поверили, а потом сестра сказала: «Папа придет и скажет». Мы еле дождались вечера, и я побежал на станцию. До станции было 3 ½ км. Пришел поезд. Папа вышел. Самый первый вопрос был у меня: «Что, война началась?». Слова хозяйки были верны. Когда мы ездили на дачу, то мама покупала разных продуктов, чтобы хватило на все лето, и это нам помогло. Наступила осень, а потом зима. Осенью я свел свою любимую собачку усыпить. 22 декабря умер мой дедя. Потом у нас продукты иссякли и мы стали голодать. Было холодно. Дров не было. К нам в дом упало 3 снаряда. Был пожар, но все-таки мы все эти муки вынесли. Когда мы окрепли, то узнали, что большинство родственников погибло в 1941–1942 гг. Немцы бомбили город Ленина. Бросали зажигательные бомбы. Я лично погасил две зажигательные бомбы. В 1943 г. мы ехали на машине. Вдруг начался артобстрел. Когда мы стали подъезжать к Литовскому мосту, то перед нами развернулась следующая картина: немецкий тяжелый снаряд попал в трамвай. Жертв было очень много. Особенно мне запомнился один военный, которому оторвало обе ноги, но он был в памяти и хотел подняться, хватаясь за воздух руками.

Я, ленинградский пионер, даю слово, что еще отомщу за Федорова Сергея, убитого в 1944 году 3 января, и за того бойца, который остался на всю жизнь калекой. За погибших родственников.

Смерть немецким захватчикам!!

Работа Смирнова А.⁵⁸ 23/1 944 г.

За что я ненавижу врага.

В 1941 г. немецкие войска без объявления войны напали на нашу Родину. Я учился в 22-й школе во 2-м классе. Немцы подходили все ближе и ближе к Ленинграду. Нас ребят стали эвакуировать из Ленинграда. Я уехал со своей школой в Боровичи. Там мне было хорошо. Но вскоре нас опять повезли в Ленинград. Мы ехали в товарном вагоне, только один раз над нашим поездом пролетел вражеский самолет, поезд остановили, дали сигнал, чтобы мы вышли из вагона и побежали в лес. Но вскоре стало тихо, и мы поехали в сторону Ленинграда. Когда мы подъезжали к Ленинграду, то около насыпи было очень много воронок от вражеских снарядов. Когда мы приехали в Ленинград, то впервые я услышал сигнал ВТ. Когда я пришел домой, то мама была очень рада, что я приехал Домой. В середине 1941 г. начались тяжелые дни. Почти без топлива, без воды, без света жили ленинградцы. За водой ходили на Неву.

Стояли жгучие морозы.

Ленинградцы жили на 125 г хлеба. Люди истощали. Много людей умерло. У меня умер дедушка, мамин братишка, мой братишка. В 1942 г. всему населению прибавили хлеба, в булочных люди целовались и плакали от радости.

Ленинградцы жили и боролись с врагом. В 1942 году наши доблестные войска прорвали долгожданную блокаду Ленинграда. Тогда Ленинградцы сказали: «Все силы фронту!».

Вот за что я ненавижу врага.

Работа Мельбарта Ю.⁵⁹ 12/1 1944 г.

4-й класс. 82-я мужская школа.

За что я ненавижу немцев.

Осенью 1941 года немцам удалось подойти почти вплотную к Ленинграду. Начались не к чему не приведшие штурмы. После неудачи взять город штурмом, фашистское командование решило: изнурить, измотать ленинградцев, задушить город блокадой. Начались ожесточенные бомбежки, по семь, восемь раз в день бывали тревоги. Люди, выходя из фабрик и заводов, становились на крыши, тушили зажигалки. Стал уменьшаться хлебный паек. Появились первые погибшие от дистрофии люди. Я помню, что когда в то время шел по улице, то мимо тянулись вереницы людей с саночками, на которых лежали трупы погибших от голода людей. Но партия и правительство помогло нам всем, чем только можно. Под личным руководством А. А. Жданова по Ладожскому озеру была проложена трасса, прозванная ленинградцами «Дорогой жизни». В феврале 1942 года начали прибавлять паек. Горисполкомом был отдан приказ об очистке города. Ленинград стал подниматься из-под куч льда и снега. Весной и летом в скверах и садах зазеленели огороды, на которых выращивали овощи. Кончилось лето. Ленинградцев за их старания по уходу за овощами, земля наградила богатым урожаем. Началась вторая блокадная зима, но уже не такая тяжелая, как первая. И вот 18 января 1943 года в двадцать два часа по радио прозвучали долгожданные слова: «Блокада Ленинграда прорвана!». Фашисты, обозленные прорывом блокады, усилили артобстрелы. Я помню, как осенью 1943 года мы сидели в классе. Вдруг раздался разрывы шрапнелей. Мы быстро спустились вниз. Через некоторое время разрывы прекратились. Мы уже хотели уходить, как вдруг раздался страшный грохот, за ним еще и еще. Это немецкие дальнобойные орудия били по району, прилегающему к нашей школе. Артобстрелы продолжаются еще и сейчас. Еще и сейчас вандалы поганят нашу священную землю. У меня лично в блокаду умерла бабушка и неизвестно где пропал папа.

Вот за что я ненавижу немцев.

Работа Пащикова Г.,⁶⁰ уч. 4-го кл.

За что я ненавижу фашиста.

Мы только что собрались ехать на Родину, как вдруг 22/VI в 4 часа утра немецкие бомбардировщики появились над Кировом. Началась война с немецко-фашистской армией. И с тех пор, как немец занял БСС, мы ничего не знаем о моей родной бабушке. Может она голодает, без крова, без одежды.

1941 год был очень сильный голод. Многие люди померли от голода и от холода. В Ленинграде не было ни дров, ни воды, ни электричества, ни бани — все было закрыто. Люди стоят у булочной и просят каждый — нет ли хлеба. Меняли вещи на хлеб. Но все-таки мы, Ленинградцы, пережили этот несчастный голод. Мстить фашисту окаянному за все, что происходило от фашистской руки.

Вот за что я ненавижу немца.

Работа Кондратьева В.⁶¹

За что я ненавижу фашистов.

Летом 1941 г. 22 июня немцы напали на нашу страну. Осенью 1941 г. немцы окружили Ленинград. Они говорили, что через несколько дней возмут его. Но получили отпор.

Тогда в бессильной злобе захватить Ленинград немцы начали обстреливать из дальнотбойных орудий город и бомбардировать его. Наступила тяжелая зима 1941–42 года. Ленинград был окружен, не было подвоза продовольствия. Населению выдавали 125 гр. хлеба, которого не знаешь — здесь ли в магазине скушать или домой принести; дров не было. Люди сидели в холодных комнатах, немытые, не в состоянии принести себе воды с Невы. В голодовку у меня погиб дядя, нет известий от брата, который находится на фронте.

После победы под Сталинградом наши войска перешли в наступление и стали гнать немцев, освобождая целые районы и области. Немцы в бессильной злобе убивают и истязают мирных советских жителей. Тысячи злодеяний расследованы нашими комиссиями. Никакой пощады немецким озверелым фашистам, гнать и уничтожать их, чтобы ни один из них не ушел из нашей страны. За все зверства и злодеяния, учиненные советскому народу, за все невзгоды, которые пришлось пережить мне, — вот за что я ненавижу фашистов!

Работа Жумахова Е.,⁶² 4-й кл.

За что я ненавижу фашистов.

В воскресенье мы утром с товарищем ушли на Кировские острова. К вечеру я пришел домой и узнал, что фашисты напали на нашу страну. Через 8 дней ушел на фронт папа, а папин брат уже 16 марта ушел служить в Красную Армию. И оба пропали без вести. Наступила зима 1941 г. Вода замерзла, дров не было, свет погас, радио замолкло. Наступил голод. Бывало начнем кушать, усядемся около печки, как цыгане около костра. В наш дом попал снаряд и вылетели стекла и завалило дымоход.

Я фашистов ненавижу за то, что он беспощадно разбивает жилые дома, детей, сады, школы и больницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ходаков Юрий Яковлевич — преподаватель литературы в Ржевском педагогическом техникуме. Опубликовался: *Ходаков Ю. Я.* Овладеем грамотой: Учебная книга по русскому языку для 4-го года обучения в школах 1-й ступени Западной области. Смоленск, 1932. (Совместно с *Гавриловым И. Г.*). Рец.: *Федоровский Е. А.* [Обзор педагогич. лит-ры] // Учебно-педагогическая литература. 1933. № 3. С. 4–5.

² Ильинская Галина Владимировна (?–1982) преподавала географию в мужской школе № 82 Петроградского района Ленинграда. Потом долгие годы после войны была завучем начальных классов в мужской школе № 85 того же района.

³ Левинсон Александра Александровна — учительница начальных классов женской школы № 89 Петроградского района.

⁴ Гуськова Мария Григорьевна (?–1985) — учительница начальных классов мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда, сестра известного в те года футболиста.

⁵ Ермоленко Людмила Ильинична (?–1980) — преподаватель биологии; ее пришкольный участок был лучшим в районе. Ермоленко Екатерина Ильинична — преподаватель литературы. Во время войны, «работая непрерывно в школе, кроме пришкольного огорода, организовала огород для учителей Петроградского района» (ОР РНБ. Ф. 1434. Ед. хр. 84 — *Щербакова М. Ф.* Об учителях блокады: Статья. Л. 6).

⁶ Цамутали Мария Петровна — учительница литературы и русского языка сначала мужской школы № 85, потом — мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда, где, кроме того, исполняла обязанности завуча школы.

Методист, автор нескольких работ по методике преподавания литературы в старших классах: *Цамутали М. П.* 1) Из опыта анализа крупного повествовательного произведения в IX классе // Из опыта работы по русскому языку и литературе: Сб. / Сост. учителями 21-й средней школы Петроградского района Ленинграда. Л., 1940; 2) Методика литературного чтения повествовательного произведения // Очерки по методике преподавания литературы в средней школе: Сб. статей / Под ред. О. А. Моренской и Л. С. Троицкого. Л., 1940. (Ленингр. гор. ин-т усовершенствования учителей. Ф-т языка и литературы) (совместно с Л. С. Троицким). О. М. П. Цамутали см: *Захарченя Б. П.* Звездный билет // Нева. 2003. № 1. С. 168; *Цамутали А. Н.* // Не-стор. № 6 (2001. № 2).

⁷ Мансветов Николай Васильевич (1916–1977) — историк, кандидат исторических наук. Защитил диссертацию на тему: «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР 1917–1924 гг.: (Организация, структура, функции)»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. (Моск. гос. ист.-архив. ин-т МВО СССР). Автор книг: *Мансветов Н. В.* 1) Национально-освободительное движение в России в период Октябрьской революции. М., 1959; 2) Николай Толмачев: [Большевик-подпольщик, полит. комиссар Красной Армии]. 1895–1919: Ист.-биограф. очерк. Л., 1960. Автор ряда статей по национальной политике советской России.

⁸ Мансветов Василий Васильевич (1925–1992) — историк, научный сотрудник Артиллерийского исторического музея. Принимал участие в составлении Путеводителя по АИМ (Л., 1957).

⁹ Раменские — учителя: брат Аркадий Николаевич и две сестры, Нина Николаевна и Антонина Николаевна. С уходом их из жизни прекратила свое существование известная в Тверской земле династия учителей Раменских. Материалы об этой династии представлены в Тверском краеведческом музее.

¹⁰ Мансветова Анна Васильевна (р. 1923) отработала на железной дороге 50 лет. Имеет награды и благодарности за свой труд.

¹¹ Корнфельд Татьяна Марковна — художница. Живет в США.

¹² Рак Иван Вадимович — автор многих книг по мифологии Египта: *Рак И. В.* 1) В царст-

ве пламенного Ра: Мифы, легенды и сказания Древнего Египта. Л., 1991; 2) Египетская мифология. 3-е изд., доп. СПб., 2000; 3) Легенды и мифы Древнего Египта: В пер. и лит. пересказах. 4-е изд., доп. СПб., 1998, и др.

¹³ Кобяк Леня — учился в начальных классах у Н. В. Мансветовой.

¹⁴ Крюков Андрей Николаевич — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, автор научных исследований об Б. В. Асафьеве, А. К. Глазунове, о композиторах «Могучей кучки» и др. Особое место в его творчестве занимают работы о музыкальной жизни блокадного Ленинграда: *Крюков А. Н.* 1) Музыка продолжала звучать: Ленинград. 1941–1944 / Вступ. ст., сост. А. Крюкова. Л., 1969; 2) Музыка в кольце блокады: Очерк. М., 1973; 3) Музыка в городе-фронте. Л., 1975; 4) Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда: Очерк. Л., 1985; 5) Музыка в дни блокады: Хроника. СПб., 2002.

¹⁵ Раев Александр Израилевич — доктор психологических наук, заведовал кафедрой «Методика психологического изучения личности школьника» ЛГПИ им. А. И. Герцена, автор многих работ: *Раев А. И.* 1) Методика психологического изучения личности школьника: Учеб. пособие для студентов (в соавт. с *Бочкаревой Т. И.*). Л., 1963; 2) Младший школьник: Помоги ему учиться: Книга для учителя и родителей (в соавт. с *Вергелес Г. И.*). СПб., 2000; 3) Педагогическая психология / Учеб. пособие. СПб., 1999; 4) Проблемы развития познавательных способностей: Межвуз. сб. науч. трудов / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена / Отв. ред. А. И. Раев. Л., 1983; 5) Психологические основы управления умственной деятельностью учащихся в процессе обучения: Методич. пособие по спец. курсу. Л., 1971; 6) Психологические основы формирования нравственных убеждений учащихся (в соавт. с *Андреевой Л. М.*). Л., 1985; и др.

¹⁶ Федорова Зоя Николаевна (в замужестве — Лапшина) — учительница начальных классов школы № 79 Петроградского района Ленинграда. После войны работала сначала в школе № 85, потом — № 82, а затем до самой пенсии — в школе № 75. Заслуженный учитель РСФСР.

¹⁷ Рогова Н. Б. 1) Школы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Исследование

памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Воспоминания и дневники. Л., 1987. С. 107–121; 2) Interview with Natal'ia Borisovna Rogova, librarian, archivist // Writing the siege of Leningrad: Women's diaries, memoirs, and documentary prose / C. Simmons, N. Perlina Pittsburgh, 2002. P. 116–119.

¹⁸ В 1970-е гг. Д. А. Гранин и А. М. Адамович вели сбор материала к своей будущей книге о блокаде Ленинграда. Они ходили по архивам, библиотекам, рукописным отделам и конечно выявляли людей, перенесших все испытания тех страшных лет. Первое издание «Блокадной книги» вышло в 1979 г. См.: *Адамович А. М., Гранин Д. А.* Блокадная книга. М., 1979.

¹⁹ Веремко Павел — диспетчер ржевского железнодорожного вокзала, приятель Анны Васильевны Мансветовой, сестры Нины Васильевны.

²⁰ Шутенина Ксения Константиновна (?–1963) — до войны директор мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда. Автор статей: *Шутенина К. К.* 1) В помощь красноармейцу: Пособие по обучению грамоте (в соавт. с *Голант Е. Я.*). 2-е изд. М.; Л., 1930; 2) За генеральную линию партии в деле культурной революции: К итогам III ленинградского съезда работников просвещения // На фронте коммунистического просвещения. Л., 1932. № 1–2. С. 24–28.

²¹ Тюрина Ксения Филипповна — учительница русского языка мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда, методист по преподаванию русского языка. Автор работ: *Тюрина К. Ф.* 1) Сборник диктантов для начальной школы: Пособие для учителей. 3-е изд. М.; Л., 1953; 2) Поурочные разработки по русскому языку для IV класса начальной школы. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1956; 3) Грамматика, правописание и развитие речи учащихся в III классе: Практич. материалы для учителя. М., 1960; 4) Практика комплексного преподавания: Материалы к программе четвертого года обучения: Сб. / Сост. преподавателями педагогического техникума им. К. Д. Ушинского. М.; Л., 1927; 5) Перестройка преподавания русского языка в начальных школах Ленинграда // Начальная школа. 1951. № 4. С. 29–32. О К. Ф. Тюриной см.: *Варковицкая Л.* Заслуженная учительница:

Кандидат в депутаты Ленинградской областного совета К. Ф. Тюрина // Ленинградская правда. 1947. 28 ноября.

²² Шаховнин Владимир — учитель рисования в мужской школе № 82 Петроградского района Ленинграда, умер от голода в 1941 г.

²³ Сахарова Александра Ивановна (1920–1990) — учительница математики мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда. Автор работы: *Сахарова А. И.* Математика в комплексной системе обучения // Вопросы комплексного обучения в школе / Под ред. С. В. Иванова, Н. Н. Иорданского, И. С. Симонина. Л., 1924. Эта коллективная работа переиздавалась под разными названиями: Принципы комплексного обучения. 2-е изд. Л., 1926; Энциклопедия комплексного преподавания. 3-е изд. Л., 1929. Получила широкий отклик. См.: *Горностаев Н.* [Рец.] // Народный учитель. 1924. № 11. С. 107–119; *Есинов П. Б.* [Рец.] // На путях к новой школе. 1924. № 7–8. С. 202–204; *Н. Б.* [Рец.] // Симбирский педагогический журнал. 1925. № 1 (11). С. 84–86.

²⁴ Жидкова Валентина Николаевна (1912–?) — секретарь райисполкома Петроградского района Ленинграда. Автор статьи: *Жидкова В. Н.* Восстановим наши жилища: Опыт работы общественных комиссий содействия восстановлению и эксплуатации домохозяйств г. Ленинграда: Сб. Л., 1946.

²⁵ Сергеева Мария Михайловна — участковый врач поликлиники на ул. Л. Толстого, потом главный врач этой поликлиники, с 1944 г. — заведующая райздравотделом Петроградского района.

²⁶ Останина Мария Михайловна — ученый секретарь Педагогического института им. М. Н. Покровского, депутат.

²⁷ Гусева Серафима Николаевна — учительница русского языка мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

²⁸ Митусова Валентина Николаевна — учительница литературы мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

²⁹ Серебровская Мария Никитична — учительница географии школы № 89 Петроградского района Ленинграда. Автор учебника: География для 6 класса вспомогательных школ. М., 1938. (2-е изд. — М., 1939). Мать писательницы Е. П. Серебровской.

³⁰ Этот эпизод был рассказан Н. В. Мансветовой писателю А. М. Адамовичу. Отрывок из него приведен в «Блокадной книге» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина (М., 1982. С. 166): «Когда рассказ за рассказом слушаешь день за днем, является мучительная потребность еще и еще раз убедиться, что улыбка возможна, что детство возможно!.. <...> „Мы сидели, и они говорили только о еде <...> И вдруг выбегает девочка в беленьком платьице и на скалочке запрыгала <...> как бабочка, вспорхнула; она даже, знаете, в меня вселила бодрость, легкость какую-то”». «Блокадная книга» этого издания с дарственной надписью А. М. Адамовича: «Уважаемой Нине Васильевне Роговой, с которой вместе делали мы эту книгу!» бережно хранится в доме Н. В. Мансветовой. Писатели считали всех героев этой книги своими соавторами. Такую мысль они высказывали неоднократно. Прозвучала она и на вечере встречи 2 февраля 1984 г., когда здесь в теплой домашней обстановке каждому присутствующему был вручен «авторский» экземпляр «Блокадной книги».

³¹ Власова Мария Ниловна — учительница математики мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда, районный методист по преподаванию математики в 4–7 классах. Автор работ: *Власова М. Н.* 1) Устные вычисления по арифметике в V классе. Л., 1948; 2) Двенадцать дней в Финляндии: Беседа с членом делегации деятелей советской культуры М. Н. Власовой. О М. Н. Власовой см.: 1) *Иванов В.* Ученый секретарь: М. Н. Власова // Ленинское знамя. 1955. 20 февр.; 2) <http://ztl.narod.ru/5-punktiv.htm-ZT> — разбор пяти главных настояний А. С. Макаренки. На данном сайте помещены материалы городского отдела народного образования г. Ленинграда. В августовском совещании учителей (26–27 августа 1953 г.) педагогического кабинета Ждановского района г. Ленинграда в выступлении тов. Семеновича отмечаются те же черты наставничества, открытости и доброжелательства М. Н. Власовой: «Нельзя не отметить учительницу 48 школы, всеми уважаемую Марию Ниловну Власову, которая много отдала нашим молодым учителям и которой они во многом обязаны хорошим проведением своих уроков. Мария Ниловна не считается со временем —

она всегда даст нужное объяснение, когда к ней обращаются. Такое отношение Марии Ниловны к молодым учителям надо приветствовать, и хочется выразить ей благодарность от всех нас».

³² Юрий Михайлович Лотман в своих «Фронтowych страничках из Не-мемуаров» отметил особенность табуирования в годы войны слова «украсть». «Оно казалось отнесенным к другой — гражданской и мирной — оскорбительной семантике». В условиях блокады украсть карточки приобрело значение приговорить человека к смерти, лишить жизни, убить его. Язык тех лет по-своему отразил новый жестокий смысл этого слова — он отказался от него. Цит. по: Библиографические листки / Сост. Павел Крючков // Новый мир. 2005. № 9. С. 224.

³³ Перкина Мария Яковлевна (р.1905) — заведующая роно Петроградского района Ленинграда. О М. Я. Перкиной см.: 1) [Б. н.] Педагог, воспитанный революцией: М. Я. Перкина // Коммунистическое просвещение. 1935. № 2. С. 82–83; 2) Итоги конкурса образцовых школ: Информация о Торжественном заседании 23 марта 1935 г., посвящ. итогам конкурса образцовых школ // Там же. С. 10–43.

³⁴ Смирнова Елена Ефимовна (в замужестве — Дроздович) — учительница истории, с 1942 г. директор мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда. В 1960-е гг. была директором школы № 89 того же района. Автор работ: *Смирнова Е. Е.* 1) Опыт работы классного руководителя в 9-м классе // Методический бюллетень МООНО. 1940. № 6–7. С. 14–27; 2) Из опыта воспитательной работы в старших классах: Докл. на II Всерос. научно-педагог. конф. // Советская педагогика. 1940. № 9. С. 67–74.

³⁵ Пятницкая Анна Калининковна — бестужевка, преподаватель русского языка и литературы, инспектор району Петроградского района Ленинграда. Автор работ: *Пятницкая А. К.* 1) Опыт педагогического просвещения родительской массы // Просвещение. Л., 1927. № 11. С. 43–46; 2) Недочеты в практике коммунистического преподавания // Там же. Л., 1928. № 2 (14). С. 72–76; 3) Школа на фронте борьбы с алкоголизмом: Опыт школьной борьбы с алкоголизмом ленинградской школы № 85 // Там же. Л., 1929. № 7–8. С. 55–64; 4) Идеино вооружать

учителя: Опыт работы Куйбышевского района Ленинграда // Ленинградская правда. 1946. 8 дек.; 5) На пороге нового учебного года: [Решение сессии Куйбышевского райсовета. Ленинград // Известия. 1948. 11 авг. О А. К. Пятницкой см.: *Вигдорова Ф.* Школьный инспектор: О выступлении ст. инспектора Петроградского р-на Ленинграда А. К. Пятницкой // Комсомольская правда. 1944. 18 авг.

³⁶ Боков Сергей — ученик мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

³⁷ Скотников Павел Иванович (1899–1957) — председатель Петроградского райисполкома, талантливый организатор, инженер-энергетик, турбостроитель, директор Ленинградского электро-технического института им. В. И. Ульянова (Ленина) с 1937 г. по 1954 г. В марте 1942 г. ЛЭТИ был эвакуирован, а П. И. Скотников переведен на ответственную работу в блокированном городе. Он автор нескольких работ: 1) Справочник для поступающих в ЛЭТИ. Л., 1941; 2) Вопросы электротехнических машин и электроприводов: Сб. ст. / Отв. ред. П. И. Скотников; и др. О П. И. Скотникове см.: 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина). М.; Л., 1948. С. 115.

³⁸ Блохин Георгий Петрович — учитель истории, капитан, преподавал в Военно-Морском экипаже (Балтийский флотский экипаж), заместитель командира по политической части.

³⁹ Киянов Борис Павлович (р. 1917), композитор. Автор работ: *Киянов Б. П.* 1) Краткое руководство по инструментовке для эстрадных оркестров. Л., 1961; 2) Практическое руководство по инструментовке для эстрадных оркестров и ансамблей. М.; Л., 1966; 3) Руководство по инструментовке для эстрадных оркестров и ансамблей. Л., 1978.

⁴⁰ Коршунова Анастасия Андреевна (р. 1923) — учительница истории мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁴¹ Кропачева Мария Вячеславовна (1909–1962) — заслуженная учительница, депутат Верховного Совета РСФСР, жена журналиста Л. М. Никольского. Автор работ: *Кропачева М. В.* 1) Голос детей зовет к мщению. Л., 1942; 2) Учитель и комсомольская организация школы. М., 1950; 2-е изд., доп. и перераб. М., 1953; 3) Мои друзья комсомольцы: Значение школь-

ной комсомольской организации в воспитательной работе. Л., 1951; 4) Сессия, посвященная вопросам учебно-воспит. работы школ на разных ступенях обучения. Л., 1958. / Под ред. чл.-кор. АПН РСФСР, заслуж. учителя школы РСФСР М. В. Кропачевой. М., 1958. Личный фонд М. В. Кропачевой и Л. М. Никольского хранится в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (ф. 1278. Кропачева М. В. и Никольский Л. М.).

⁴² Федоров Сережа — ученик мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁴³ Погиб во время последнего обстрела Ленинграда — 14 января 1944 года (дата гибели Сережи дана неверно).

⁴⁴ «Сидим мы, и вокруг нас, вокруг школы, разорвалось шестнадцать снарядов! Стекла все выбиты. Мальчишки все за меня вот так пальчиком держались... Я напрягла все силы, чтобы, понимаете ли, вот эту дрожь убрать. И вы знаете мне это удалось! Вы знаете, вот я напрягла все силы! И потом я себе внушила, что я сейчас не в Ленинграде, что я сейчас в Мологине у мамы, что все совсем хорошо» (*Адамович А. М., Гранин Д. А.* Блокадная книга. С. 154).

⁴⁵ В статье Всеволода Азарова «Петроградская сторона» есть рассказ о том, как переживали тот же обстрел, о котором вспоминала Мансветова, в школе № 89, которая находилась рядом со школой № 82: «Тяжелый фугасный снаряд разорвался во дворе. Помещение наполнилось дымом, едким запахом надвигающейся смерти... Второй снаряд разворотил фундамент. В убежище погас свет. Дети обнимали своих учителей <...>. „В нас больше — не попадет“, — сказала Черняева детям» (*Азаров В.* Петроградская сторона // Ленинград, 1944: Рассказы и очерки / Под ред. Е. Катерли и др. Л., 1944. С. 172). Долгие годы после войны Александра Ивановна Черняева была директором этой школы.

⁴⁶ Азик — ученик мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁴⁷ Федорова Маргарита Васильевна — мать Сережи Федорова, ученика 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда. Работала дворником, чтобы иметь рабочую карточку.

⁴⁸ Адольф — ученик мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁴⁹ Горелкина Антонина Ивановна — учительница начальных классов женской школы № 89 Петроградского района Ленинграда.

⁵⁰ Учительница потеряла зрение.

⁵¹ Судя по датам написания этих сочинений (середина января 1944 г.), солдат с фронта прислали перед важнейшими военными операциями по полному снятию блокады Ленинграда.

⁵² Вангенгейм Галя Яковлевна — учительница мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁵³ Фабричева Л. — пионервожатая мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁵⁴ Цамутали Алексей Николаевич (р. 1931) — ученик мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда. Через всю жизнь пронес память о своей школе тех лет, что нашло отражение в его воспоминаниях. Ныне доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН. Заслуженный деятель науки РФ. Автор многих работ по отечественной истории: *Цамутали А. Н.* 1) Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х гг. в Петербурге. Л., 1983; 2) 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999; 3) Очерки демократического направления в русской историографии 60–70 х годов XIX в. Л., 1971; 4) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977, и др. Особое место в его научном творчестве занимает изучение блокады Ленинграда: 5) Вторая блокадная зима // Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Л., 1967. С. 317–355; 6) Героическая оборона Ленинграда. Л., 1968; 7) Непокоренный Ленинград: Краткий

очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970 (совместно с авторами: *Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. А., Шишкин В. А.*); 8) Блокада глазами очевидцев: Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. // Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 6 (2001. № 2): Человек и война: Источники, исследования, рецензии. СПб.; Кишинев; Париж, 2003. С. 37–267; 9) Блокада глазами очевидцев... (Интервью с А. Н. Цамутали) // Там же. С. 255–267. Об А. Н. Цамутали см.: Алексей Николаевич Цамутали: К 70-летию со дня рождения: Биобиблиогр. указ. тр. 1962–2001. СПб., 2002.

⁵⁵ Рогов Борис Михайлович (1900–1963) — инженер, по специальности котло-турбинное строительство, работал в Политехническом институте, потом — на заводе им. М. В. Фрунзе возглавлял группу главного технолога завода.

⁵⁶ Горячев В. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁵⁷ Майоров Олег — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁵⁸ Смирнов А. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁵⁹ Мельбарт Ю. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁶⁰ Пашков Г. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁶¹ Кондратьев В. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.

⁶² Жумахов Е. — ученик 4-го класса мужской школы № 82 Петроградского района Ленинграда.